

БОРИС ПИЛЬНЯК

КОРНИ
ЯПОНСКОГО
СОЛНЦА

ВОСТОЧНАЯ
ПРОЗА

1926—1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
П32

Составитель Кира Андроникашвили
Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

В оформлении использован портрет Б. А. Пильняка работы
Ю. П. Анненкова (1924)

Тексты публикуются с сохранением авторской орфографии
и пунктуации

Пильняк, Борис Андреевич.

П32 Корни японского солнца. Восточная проза (1926–1931) / Борис Пильняк /
Сост., коммент. К. Б. Андроникашвили; послесл. Б. Б. Андроникашвили-Пиль-
няка. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. —
474 [6] с. — (Предметы культуры).

ISBN 978-5-17-185049-4

Борис Андреевич Пильняк (1894–1938) — русский писатель 20–30-х годов
XX века, создатель уникального “орнаментального” стиля, соединившего доку-
мент и миф. Трагическая судьба Пильняка, расстрелянного в 1938 году, надолго
вычеркнула его имя из литературы, но сегодня его проза снова возвращается
к читателю во всей своей художественной мощи.

В настоящий том вошли прозаические произведения Пильняка, написанные по
итогам его поездок по Дальнему Востоку: документально-автобиографический
роман “Корни японского солнца”, повести “Большое сердце” о Монголии, “Ки-
тайская повесть” и “Китайская судьба человека”, а также рассказы разных лет.
Писателя не интересует экзотика ради экзотики. Его взгляд прикован к тому,
как веками формировалась воля и культура народов, как традиции уживаются
с индустриальным натиском и что происходит с русским человеком, когда он
остается один на один с загадочным Востоком.

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-185049-4

- © Пильняк Б. А., наследники
- © Бондаренко А. Л., художественное оформление
- © Андроникашвили К. Б., составление, комментарии
- © Андроникашвили-Пильняк Б. Б., послесловие
- © VOSTOCK Photo
- © ООО “Издательство АСТ”

СОДЕРЖАНИЕ

КОРНИ ЯПОНСКОГО СОЛНЦА РОМАН

ВСТУПЛЕНИЕ.	9
ИЗЛОЖЕНИЕ.	18
ВНЕ ПЛАНА ИЗЛОЖЕНИЯ.	72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	96
Р. КИМ НОГИ К ЗМЕЕ (ГЛОССЫ)	114

ПОВЕСТИ

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ.	167
КИТАЙСКАЯ ПОВЕСТЬ	198
КИТАЙСКАЯ СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА	287

РАССКАЗЫ

РАССКАЗ О КЛЮЧАХ И ГЛИНЕ	377
РАССКАЗ О ТОМ, КАК СОЗДАЮТСЯ РАССКАЗЫ	409
ОЛЕНИЙ ГОРОД НАРА	423
МАЛЬЧИК ИЗ ТРАЛЛ	433
ГОРОД ВЕТРОВ	439

ПОСЛЕСЛОВИЕ Б. Б. АНДРОНИКАШВИЛИ-ПИЛЬНЯК.	459
--	-----

КОММЕНТАРИИ К. Б. АНДРОНИКАШВИЛИ	473
---	-----

КОРНИ
ЯПОНСКОГО
СОЛНЦА

Р О М А Н

ВСТУПЛЕНИЕ

ДНЕВНИКИ С СИНСЮ

...Я проснулся на рассвете, — и я не сразу понял, где я. Было кругом темно, и рядом пел петух, петуху отвечали другие петухи, и так же рядом пел соловей. Эти звуки были похожи на звуки нашей деревни. Я осмотрелся. Сьодзи (бумажные стены японского дома) были сдвинуты, и верхушка их горела красными полосами восходящего солнца. Хибати (японский камелек) потухнул, было холодно холодом апрельского рассвета. Рядом со мною на полу, на татами (циновки, расстилаемые по полу), в кимоно спали Сигэмори-сан и Канэда-сан. И я понял, — я в Японии, путешествую по Синсю, ночью в доме крестьянина-писателя Тития-сан. Я лежал, так же как Сигэмори и Канэда, в ватном ночном кимоно. На полу в полумраке были разбросаны книги, которые мы рассматривали с вечера. — И я очень больно стал думать о том, что вот те петухи и соловей, которые разбудили меня, поют совершенно так же, как петухи и соловьи в тысячах верст отсюда, на моей родине, в России, — и почему так случилось, что люди говорят и живут по-разному. — Роса рассвета не задерживалась бумажными стенами, я двинулся, и на меня посыпались капли росы.

Эти дни — очень странные дни. Японцы, даже мои друзья, не говорят — нет, этого не допускают их традиции, — и, когда надо сказать нет, они не понимают и не слышат меня. Мы идем из дома в дом, горами, в Японских Альпах,

в версте над уровнем моря, наш маршрут составлен японскими писателями, у нас для каждого дома есть письмо. Наш маршрут неизвестен полиции, полиция следит за нами в расстоянии версты. Поэтому нас встречают везде очень сердечно. Но через полчаса после нашего прихода в ворота вползает ину, собака, хозяин куда-то уходит. — И сейчас же между нами и хозяином вырастает стена. Мне не говорят не т, но понятно, что оставаться здесь уже нельзя. И мы идем дальше. Тития-сан оставил нас ночевать.

Вчера мы были в городе Комуру, туда мы ехали целый день горной железной дорогой. Мы остановились в гостинице Ямасирокан — Горный Замок, гостиница стоит на развалинах замка, в вечерней ясности дымился вдалеке вулкан. Ходили к человеку, к которому было рекомендательное письмо от писателя Симадзаки, к местному корреспонденту токийских газет: не застали дома, — в пожарном депо в городке он развешивал картины, устраивал выставку. Назавтра в городке празднества в честь их прежнего феодала, фамилия феодала виконт Макино; выставка приурочивалась к празднествам. Пошли, поехали на выставку на рикшах (причем говорить рикша — неправильно: надо говорить курума). Там нас поили японским без сахара и совершенно зеленым чаем. Заходили на почту: все почты на земном шаре, должно быть, пахнут одинаково — сургучом и чиновничеством, и за стеной должен стучать Морзэ. Шли по тихим улочкам, по удивительной этой японской тишине падающих с гор ручьев, вышли на дорогу к вулкану, куда ходят молиться. Любовались на ряженных трубачей, возвещавших о программе в кино. Вернулись в гостиницу, в развалины замка. Феодал виконт Макино — приехал с вечера, остановился в той же гостинице, где и мы, — на развалинах того самого замка, со стен которого — так недавно — семьдесят лет тому назад правили округом его отцы: в душе его я не копался. Прислужница, которая оказалась женщиной с высшим образованием, филологичкой, бегала от нас к нему

и рассказывала: — — “пошел в бочку — приказал подать ужин, сакэ — — его жена потребовала себе пирамидона, очень разболелась голова”.

Феода́л будет завтра на общественном молении и на выставке, — затем он уедет в Токио, чтобы вернуться сюда через год.

По обычаю японских гостиниц, нам дали гостиничные кимоно, — и по обычаю японцев — не мыть руки и лицо, а мыться с ног до головы, и мыться мужчинам и женщинам вместе, — мы пошли в бочку, вода в которой градусов в сорок пять по Реомюру: тем полотенцем, которым надо утираться, японцы моются. Вымылись, — наша прислужница забегала к нам в ванну, чтобы сказать, как хорошо поет феода́л. — В нашей комнате мы раздвинули съодзи, — за стеной замка, под обрывом расстилалась долина, небо очерчивалось горным хребтом, в долине и по горам горели электрические огни, — и, только в Японии мною виденная, была прозрачность синего воздуха, такая синяя прозрачность, которая уничтожает перспективы, лаковая синь, лаковая прозрачность. Во мраке пели птицы, и из-за угла гостиницы, с развалин наугольной башни, долетали слова женщины, очень нежные. По-японски, в кимоно, мы сидели на полу, — нам принесли ужин: сырой рыбы, супа из ракушек, маринованной редьки, рису, сакэ — японскую водку. Приходил фотограф от местной газеты, фотографировал. — Затем прислужница приносила громаднейшие папки бумаги, где расписывались все знаменитые гости этой гостиницы, — она показала нам танки, только что написанные феода́лом, — мы должны были написать в этой книге. И тогда нам принесли постилки и ватные, ночные кимоно. Всю ночь пели птицы, в прозрачной сини было видно, как дымит вулкан, села роса, и долго не смолкал женский голос.

Утром бродили по замку; на плацдарме ныне теннисная площадка, забитая детворой; — рисовые склады, богатство феодалов, развалины. Когда с тобою говорят без н е т, тогда

и да кажется необедительным. Ужасно, когда ты не понимаешь, что с тобою творится и что с тобою будет, — и когда твоя воля обессилена. Полиция уже была и успела нагадить.

Тогда приходит крестьянин и просит к себе в дом: его дом стоит триста лет, его род всегда был родом слуг вассала, — и мне показывают саблю, которой шестьсот лет, родовую саблю; в этот дом мы входим по всем японским правилам, скинув на пороге башмаки, поклонившись в ноги хозяину и женщинам, которые так же в ноги кланяются нам, — и прежде, чем осмотреть этот крестьянский дом, которому триста лет, на полу мы садимся за чай, за чайную церемонию; — священнейшее в доме и фундаментальнейшее — то место, где хранится рис; ни коров, ни лошадей в крестьянском хозяйстве нет, и нет стойл для них; — на кухне дым от хибати идет в потолок, — но мне принесли книгу, чтобы я расписался в ней. — Полиция пришла следом за нами, — выросла стена, в которой нет подразумевается, я ничего не понял, мы ушли. — Наш интеллигент больше уже не показывался, занятый на выставке. Опять пили чай, на выставке смотрели картины.

И оттуда пошли старым самурайским шоссе, в солнце и ветре и в запахе сосен, — в деревню Осато, к писателю-крестьянину Тития-сан. Поля обложены плотинами из камней, — поля для риса, выверенные по ватерпасу и охолоенные руками. Многие нас обогнали велосипедисты, и однажды — мы обогнали — корову, запряженную в двуколку. Полиция обогнала нас по дороге к Тития-сан, и, все же, он принял нас, молчаливый человек с лицом философа и с руками рабочего. Мы поклонились его дому. Он провел нас в лучшую комнату. По дороге туда я расспрашивал про деревню Осато, — там 650 домов, 3500 человек жителей, 3 школы — первоначальная, реальное, гимназия, дети учатся вместе, шелкопрядильная фабрика, мыловаренный завод (причем мыло производится из личинок шелкопряда), — медоводство, — кролиководство, — электричество. — Везде, везде

в Японии в домах и на дворах абсолютная чистота. В Японии не стыдятся естественных отпавлений человеческого организма, и посреди двора Тития-сан красовался эмалированный писсуар, чтобы собирать мочу для удобрений.

Полиция опередила нас. Тития-сан принял нас. Остаток дня мы бродили по полям вокруг Осато, на кладбище, около храмов, у водопада. По-прежнему дымил вдали вулкан. Люди проходили мимо меня, считая меня пустым местом.

И очень странный, должно быть единственный в моей жизни, был у меня вечер. Мы — Тития-сан, Сигэмори-сан, Канэда-сан и я — мы сидели в доме Тития-сан у хибати, — Сигэмори-сан и Канэда-сан — японские писатели, мои друзья, поехавшие со мной. Тития-сан был непонятен мне, как все японцы, которых я не умею понимать сразу. Мы говорили с ним через переводы Канэда и Сигэмори. Мы пили сакэ. Японцы после третьей чашечки сакэ жутко багровеют, и их глаза наливаются кровью. Тития-сан показывал свои фотографии, книги и альбомы, где на память ему писали его друзья — художники и писатели. Все было так, как должно было быть в Японии. И тогда в торжественности и строгости, в жестокости глаз, налитых кровью, Тития-сан сказал такое, что я не понял сразу. Сигэмори и Канэда перевели мне: —

— Отец Тития-сан был убит русскими, в Мукдене, в русско-японскую войну. — И тогда, мальчиком, Тития-сан поклялся отомстить за отца первому русскому, которого он встретит, — убить первого русского, которого он встретит. — И первым русским, которого он встретил, — был — я, он должен был убить меня. Но он, Тития-сан, — писатель, — и я — писатель. Он, Тития-сан, знает, что братство искусства — над кровью. И он предлагает мне выпить с ним братски сакэ, по японскому обычаю поменявшись чашечками, — в память того, что он, Тития-сан, нарушил клятву. —

— нехорошо прийти в дом, в тот дом, где твои соотечественники убили человека... — я проснулся на рассвете под пение петухов, в доме Тития-сан. Вчера я написал Тития-

сану — кисточкой, тушью — какэмоно¹ о наднациональных культурах и о братстве, — а сейчас в этот соловьиный рассвет я думал о том, почему соловьиный этот рассвет похож на наш русский, — но говорим мы, люди, по-разному, когда птицы говорят одинаково...

Я тихо поднялся, раздвинул съодзи: над землей творился фарфоровый японский рассвет, роса тяжелыми гроздьями умыла цветущее дерево магнолии, и магнолии пахнули, как подобает, мертвецами. В кимоно, я всунул босые ноги в гэта, в деревянные скамеечки, на которых ходят японцы, и — один, без друзей и полиции, пошел к горам повстречаться с рассветом. Рядом шумел ручей, внизу, под обрывами, клочкотала река. Каменной лесенкой я пришел в рощицу азалий, сгорающих красною тяжестью своих цветов. Каменная тропинка вела на кладбище. За мной никто не следил, кажется, единственный раз в Японии. Вдалеке дымился вулкан, направо и налево уходили горы, рядом со мною были рисовые поля. И глубокая была тишина. На кладбище в печали я смотрел на мисочку с рисом и на палочки, которыми едят, положенными около могилы, — и около другой могилы лежал ошейник: японцы хоронят и людей и животных вместе. Кладбище заросло печалью бамбуков. Около кладбища стоял храмик — величиной с нашу собачью будку, не больше. Я посидел у храма, покурил и пошел дальше, к платановой роще, без дороги, кустарниками. И там я увидел таинственнейшее в природе человека: в чаше деревьев около храма стояла женщина, женщина обнимала клиноподобное каменное изваяние, лицо ее было восторженно. Она молилась, какому богу — я тогда не знал. Я понял, что я присутствую при таинственнейшем. Я не стал мешать женщине, этой женщине в бабочкоподобном оби, японском поясе, на деревянных скамеечках, с непонятною для меня красотою лица. — И тогда еще я думал, что надо написать рассказ, как Япония — затянула, за-

1 Японское стенное украшение.

манила, утопила, зарубила иностранца, точно болото, точно леший, что ли: — всем сердцем я хотел проникнуть в душу Японии, в ее быт и время, — я видел фантастику быта, будней, людей — и ничего не понимал, не мог понять и осмыслить, — и понимал, что вот эта страна, недоступная мне, меня засасывает, как болото, — тем ли, что у нее на самом деле есть большие тайны, — или тем, что я ломлюсь в открытые ворота, которые охраняются полицией именно потому, что они пусты. Та тема, которую ставили себе все писатели, побывавшие в Японии, тема о неслиянности душ Востока и Запада, о том, как человек Запада засасывается Востоком, деформируется, заболевает болезнью, имя которой “фебрис ориентис”, что ли, — и все же выкидывается впоследствии Востоком, — эта тема была очередной и у меня.

Потом, после того рассвета, были еще дни в солнце, ветре, в цветущей земле, — в пути по горам и в бегах от полиции. Все эти дни я жил,пил и ел по-японски, — и все эти дни я хотел по-японски думать и видеть. — Горные тропинки и горные трактиры — всегда прекрасны. У Янагисава-сан мы рассматривали японскую старину, и он подарил мне наконечники от древних стрел, еще айноских, кремневых, — и он водил меня на свои раскопки, к памятнику айну, древнего народа, населявшего Японию: там были солнце, сосны и бодрый с океана ветер. — И он же показывал мне вишневое карликовое дерево, в пол-аршина величиною и в десятилетиях от роду. — Очень долго, тоннелями, мостами через пропасти, прекраснейшими пейзажами — от заповедной до вечера поездом — мы ехали в Камисуа, к минеральным источникам, к гейзерам. Все было, как следует: на станции встретил шпик, сопровождавший ину передал нас ему; — в гостинице было много народу; — из гостиницы, когда открыты съезды, видны бассейны, где купаются люди в воде, выброшенной гейзером, мужчины и женщины, ничем не разделенные. За день было очень много солнца, пути и разду-